

зацеловали до брака

французская кинооперетта «Только не в губы»

Одри Тоту оказалась идеальной кандидатурой для участия в старомодной оперетте 1920-х годов

II ЕКАТЕРИНА ЧЕН

В бытность одним из зачинателей французской «новой волны» режиссер Ален Рене предпочитал снимать фильмы на такие тяжелые темы, как война, концлагеря и атомная бомба. Теперь мэтру уже за восемьдесят, и его последние картины — дань легкому жанру и незатейливому кабаре-шансону. «Только не в губы» — прилежное воспроизведение либретто и партитуры 1920-х годов.

Не стоит задаваться вопросом, отчего столь прославленный мастер вдруг заинтересовался какой-то нафталиновой комичной опереткой, собрал любимых и популярных у себя на родине актеров и заставил их всех запеть. Легенда режиссуры, считайте, на пенсии, а значит, волен снимать фильмы просто ради самого процесса, в свое удовольствие. Свой вклад в искусство Ален Рене давно внес. Гений монтажа, славящийся безупречностью композиции кадра, он умел наполнить чувственностью и эротизмом любую историю — хоть о немецкой оккупации, хоть об идеальной борьбе послевоенных коммунистов. Из его картин, пожалуй, наберется с десяток тех, что прочно вошли в разряд классики: прежде всего ранние «Хиросима, любовь моя» и «В прошлом году в Мариенбаде». К тому же картины 1980-х: «Мой американский дядюшка», «Жизнь — это роман» и «Мело» — приобрели немало поклонников. Что важно в связи с новой работой мэтра, поскольку именно тогда окончательно оформилась тяга Рене к стилизациям под сюрреалистические сказки в духе Льюиса Кэрролла. Но сюр не означает отсутствия логики, и «Только не в губы» — вовсе не маразматический балаган. Это ретропредставление со стройным сюжетом, разыгранное со знанием нот.

В соответствии с сюжетом оперетты Андре Барда и Мориса Ивена, поставленной в Париже еще в 1925-м, в центре событий — благообразная чета Валландре в исполнении фирменного для позднего Рене дуэта Сабин Азема и Пьера Ардити. Муж — преуспевающий пожилой делец, твердо убежденный, что супруга будет ему вечно верна, коль скоро он ее первый мужчина. Не знал глава семейства, что в молодости женьюшка некоторое время жила в Америке и там побывала замужем за янки. По совпадению, необходимому для интриги, именно ее бывший муж Эрик Томсон окажется новым деловым партнером Валландре и объявится в парижском доме. У американского мужа (его в меру гротескно, в меру чопорно изображает Ламбер Вильсон, засветившийся во второй и третьей «Матрице») имеется пикантная тайна — еще в отрочестве душевная травма заставила его дать зарок: никогда не целоваться в губы. Предусмотрительность будет оправдана в финале, когда поцелуй в губы все же состоится, и, судя по всему, американцу придется сразу жениться на той, кому он так опрометчиво поддадался.

Как и положено по законам жанра, вышеописанный треугольник из одной жены и двух мужей в оперетте не единственный. Есть еще перезревшая сестра мадам Валландре (ее играет наверняка узнаваемая нашим зрителем не по имени, но в лицо Изабель Нанти — вечно страдающая насморком продавщица сигарет из «Амели»). Есть, кстати, и сама Амели — Одри Тоту в роли юной гостьи дома, влюбленной в авангардного художника. Этот пылкий молодой человек вносит в картину любопытный штрих, символизируя актуальное для 1920-х повальное увлечение модными кубизмом, дадаизмом и иже с ними. Старик-режиссер подает эти передовые идеи явно в ироническом ключе, следуя традициям более архаичной формы — оперетты. Так оправдывается Ален Рене за свой консерватизм.

Нарочито театрализованный декор постановки и манера действующих лиц чуть что переходить от диалогов к пению может напомнить публике «8 женщин» Франсуа Озона. Чудно получается: молодой Озон будто перебежал дорожку классику Рене. Хотя можно на эту перекличку и с другой стороны посмотреть — старый мастер поддержал инициативу молодежи. Впрочем, в «8 женщинах» эксплуатировались более близкие нам эстрадные хиты, тогда как «Только не в губы» — пусть и переработанная, но экранизация вещицы, прочно застрявшей в середине 1920-х, и песенки все сочинены тогда же. В некоторых куплетах при желании можно отыскать параллели с сегодняшним днем, когда, например, мсье Валландре сетует на обилие выходцев из колоний на парижских улицах — куда, мол, деваться от арабов и азиатов — или журит Америку за чванство — дескать, вездесущи, а вашим небоскребам до нашей Эйфелевой башни далеко. Но это уже скорее относится к теме приятной европейскому уху неполиткорректности.

В целом же новый фильм Алена Рене парадоксален: сработанный без сучка без задоринки, достойно и гармонично спетый безголосыми драматическими артистами, он слишком бесстрастен и скучен для того, чтобы по-настоящему развлечь зрителя. Однако не исключено, что восемьдесят лет назад такие развлечения были на пике популярности.